

же, когда придетъ время, сыграть ее въ жизни, хоть одинъ разъ, да недаромъ. Такъ я рѣшилъ, такъ и будетъ... И съ этой мыслью я разстался навсегда со сценой и уѣхалъ опять на пріиски, въ Сибирь. Но тамъ мнѣ не понравилось: не люблю я золота, Леночка. Оно такъ холодно блеститъ и напоминаетъ мнѣ почему-то яркій взглядъ кровожаднаго звѣря. И тянетъ къ нему, и страшно. Убѣжалъ я и оттуда...

— Леночка!—воскликнулъ вдругъ Діодоръ, замѣтивъ, наконецъ, ея слезы.—Да ты никакъ плачешь, голубчикъ мой? Боже ты мой, ужъ не обо мнѣ ли? Оно правда, я жалокъ: вся моя жизнь до сихъ поръ была усиленіемъ пигмея овладѣть дубиной Геркулеса. Но это еще ничего, кое-что есть и впереди. Помни, Леночка!—прибавилъ онъ, разсмѣявшись и притягивая ее къ себѣ.—Помни, что я тебѣ сказалъ объ актерахъ на одну роль. Я еще разыграю свою роль когда-нибудь; это меня утѣшаетъ. Можетъ быть, я погибну, какъ погибъ маркизъ Поза, но что же такое? Погибнуть за хорошее, честное дѣло—сладко. Леночка, ты только не забывай меня, ты у меня одна во всемъ мірѣ, и если только я буду что-либо сознавать за гробомъ—меня несказанно утѣшитъ сознание о томъ, что твоя головка думаетъ и помнитъ о своемъ безпутномъ дядѣ.

Когда я умру,—надо мной
Посадите вы иву, друзья;
Плакучая ива,—прикрой
Ты своими вѣтвями меня...

— Леночка, вотъ тебѣ мой завѣтъ: люби побольше; сильнѣе любви ничего нѣтъ на свѣтѣ. Люби людей и жалѣй ихъ, хотя они и шакалы. Что же дѣлать? въ каждомъ человѣкѣ сидитъ шакалъ. И въ тебѣ, Леночка, сидитъ; вотъ погоди, придетъ время, онъ нѣтъ-нѣтъ, да и зацелкаетъ зубами. А отчего люди—шакалы? Оттого, что любви мало. А безъ любви нѣтъ и правды, нѣтъ великодушія на прощенье, нѣтъ счастья...

Тутъ вдругъ рѣчь Діодора стала дѣлаться безсвязною, отрывистою; онъ опустилъ голову на столъ и, наконецъ, заснулъ. Леночка долго сидѣла около него, взволнованная, потрясенная исповѣдью дяди, пока, наконецъ, и сама не заснула, крѣпко прижавшись къ плечу Діодора.